

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL POLICY AS A FACTOR OF SOCIETAL SECURITY

Irina Yu. Alekseeva

DSc in Philosophy, Docent

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: ialexeev@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0514-8237>

ABSTRACT

The author construes the notion of information and psychological policy as an organized activity that cannot be reduced to psychological (information and psychological) operations or reactions to such operations. Coherence, consistency, awareness of goals and objectives, the use and (or) the creation of certain methodologies and techniques, - these are the characteristic features of information and psychological policy that distinguish it from disparate actions in the information sphere (aimed at consciousness and the unconscious). Information and psychological policy is aimed primarily at ensuring information and psychological security, but it should take into account all types of security, including technological, economic, social, cultural, and military security. The author pays special attention to the chapter "Ideological and informational actions" of the report of the RAND Corporation "Tension of Russia: competition from advantageous positions". This chapter outlines an appropriate direction of the information and psychological policy of the United States in the context of the information war against the Russian Federation. The author considers the politics of memory ("historical politics") as a type of information and psychological politics. Politics of memory is aimed at formation and destruction of images and self-images of peoples, groups, organizations and individuals involved in historical processes. In this context, the author pays special attention to the challenges faced by scholars in Humanities – primarily by historians and philosophers. The author argues that in order to ensure the intellectual sovereignty of Russian society, scholars should no longer restrict themselves with ideas that are "secondary" in relation to foreign concepts and approaches. The author emphasizes the relevance of the issue of intellectual sovereignty of society and the related idea of "neo-solumism".

KEYWORDS

information and psychological policy, societal security, information and psychological security, information warfare, psychological warfare, historical memory, politics of memory, intellectual sovereignty, neo-solumism.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Алексеева Ирина Юрьевна

доктор философских наук, доцент

Институт философии Российской академии наук

Москва, Россия

E-mail: ialexeev@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0514-8237>

АННОТАЦИЯ

Автор понимает под информационно-психологической политикой определенным образом организованную деятельность, которая не может быть сведена к психологическим (информационно-психологическим) операциям или реакциям на такие операции. Характерными чертами информационно-психологической политики, отличающими ее от разрозненных действий в информационной сфере (направленных на сознание и бессознательное) являются связность, последовательность, осознанность целей и задач, применение и (или) создание определенных методологий и методик. Информационно-психологическая политика направлена, прежде всего, на обеспечение информационно-психологической безопасности, однако выстраивается с учетом всех видов безопасности, включая безопасность технологическую, экономическую, социальную, культурную, военную. Автор рассматривает политику памяти («историческую политику») как составную часть информационно-психологической политики. Автор подчеркивает актуальность вопроса об интеллектуальном суверенитете общества и связанной с ним идеи «нового почвенничества».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационно-психологическая политика, безопасность общества, информационно-психологическая безопасность, информационная война, психологическая война, историческая память, политика памяти, интеллектуальный суверенитет, новое почвенничество.

ВВЕДЕНИЕ

Прилагательное «информационно-психологический» стало широко употребляться в публичном пространстве в 2022 году с началом проведения Российской Федерацией Специальной военной операции по защите Донецкой народной республики и Луганской народной республики. В сообщениях, касающихся военных действий, нередко упоминаются центры информационно-психологических операций (ЦИПСО), находящиеся в составе Сил специальных операций (ССО) Украины. Считается, что первый из таких центров был основан в 2004 году, когда мало кто мог поверить в перспективу военного противостояния между Российской Федерацией и Республикой Украина.

Термин «*информационно-психологическая безопасность*» родился в постсоветском интеллектуальном пространстве в первой половине 90-х годов XX века. Первая научно-практическая конференция по информационно-психологической безопасности состоялась в Институте психологии РАН в 1995 году. Два десятилетия тому назад были сформулированы принципиальные установки в изучении данного феномена, которые сохраняют значимость по сей день.

В разработке проблематики информационно-психологической безопасности закономерным образом используется ранее накопленный опыт изучения форм и механизмов таких феноменов как «психологическая защита» и «психологическая война». Что касается вопросов психологической защиты личности, то они разрабатываются по меньшей мере со времен Зигмунда Фрейда. Известны разные механизмы защиты, которые «запускаются» психикой человека в ситуациях, когда вследствие изменившиеся обстоятельств частной жизни или появления новых социальных факторов возникают угрозы внутренней устойчивости личности. Что же касается психологических войн, то они стали предметом специального изучения в середине XX века, чему способствовала обстановка «холодной войны», характеризовавшаяся не только гонкой вооружений, но и «битвами за умы». Уместно вспомнить, что набирающая сегодня популярность книга Пола Лайнбарджера «Психологическая война» была издана на английском языке в 1954 году, а в 1962 вышла в русском переводе (Linebarger, 1954; Лайнбарджер, 1962).

Осознание одной из важных проблем *постсоветского пространства 90-х* как проблемы не просто психологической, но *информационно-психологической* безопасности, было обусловлено пониманием значимости нового этапа в развитии информационно-коммуникационных (в том числе цифровых) технологий. Это развитие привело к стремительному росту удельного веса информации, которая поступает к человеку по техническим каналам связи, а не приобретает благодаря непосредственному общению или личному опыту действий «в реале». При этом человек, которые вчера еще был советским, столкнулся с непривычной для себя ситуацией, когда электронные средства коммуникации активно используются для воздействий на его сознание и поведение в интересах самых разных сил, структур и субъектов, зачастую не пренебрегающих технологиями обмана. Глобальная сеть Интернет радикально расширила сферу свободы, анонимности и неконтролируемости

информационной деятельности. Возникли новые виды угроз не только техническим информационным системам (такие как, например, хакерство или рассылка компьютерных вирусов), но и непосредственно сознанию человека, его психическому и нравственному здоровью, способностям к социализации (использование Интернета для манипуляции сознанием и поведением, распространения дезинформации, публикации непристойных изображений и текстов, руководств по изготовлению взрывных устройств и т. д.) Для многих стал очевиден комплексный характер проблематики информационной безопасности, охватывающей не только **«информационно-техническую»**, но и **информационно-психологическую** безопасность.

До сравнительно недавнего времени именно информационно-техническая безопасность, как правило, отождествлялась с информационной безопасностью вообще. И это вполне объяснимо. Интенсивные исследования и разработки, проектирование и внедрение новых технологий, кафедры и факультеты для подготовки специалистов - все это направлено на обеспечение защиты информационных и телекоммуникационных систем и сетей. Проблемы информационно-психологической безопасности долгое время были почти незаметны в тематике научных исследований и разработок. Рост внимания к этим проблемам был не в последнюю очередь обусловлен логикой начавшегося в 2014 году информационного противостояния России и США, переросшего в 2022 году в вооруженное (имеющее для США опосредованный характер) противостояние на территории Украины. Появление в современном лексиконе слова «пост-правда» связано с изменениями качества потребляемой человеком информации при колоссальном росте ее объемов и при отсутствии у человека реальной возможности отличить мнение от факта, а собственно факт от его интерпретации. В ходе проведенного в 2019 году исследования ВЦИОМ лишь каждый второй из опрошенных жителей нашей страны ответил, что может отличить правду от лжи (Ильницкий, Ленченко, 2020). И это отражает не специфику положения дел в Российской Федерации, а мировую тенденцию. Проблемы информационно-психологической безопасности заслуживают гораздо большего внимания, чем то, которое уделяется им сегодня российскими учеными.

Закономерным шагом в разработке данной проблематики становится выдвижение в фокус внимания профессионалов и общественности такого феномена как **информационно-психологическая политика**. Мы предлагаем название «информационно-психологическая политика» для обозначения соответствующих направлений в деятельности субъектов разного уровня – государств, групп, организаций, а порой и отдельных людей. Характерными чертами информационно-психологической **политики**, отличающей ее от разрозненных действий в информационной сфере, являются **связность, последовательность, осознанность целей и задач, применение и (или) создание определенных методологий**.

Разумная информационно-психологическая политика так или иначе учитывает интересы безопасности общества, и не только информационно-психологической, но и безопасности в целом.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Современное общество представляет собой сложную систему, которая состоит из множества подсистем и содержит в себе разнородные элементы. То, какие именно системы и элементы мы видим в обществе, зависит ракурса рассмотрения, от того, какой язык мы выбираем, формируем или создаем заново для описания общественного организма. Так или иначе, **безопасность** любой системы предполагает такое состояние системы и среды, при котором *отсутствуют угрозы существованию и оптимальному функционированию системы или имеется надежная защита от подобных угроз*. В применении к общественно-государственной системе в качестве важного условия ее оптимального функционирования рассматривается защищенность национальных интересов от внутренних и внешних угроз. Так, в тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность характеризуется как «*состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны*» (Стратегия..., web). **Информационная безопасность** трактуется в данном документе как один из видов безопасности наряду с демографической, военной, «государственной и общественной», экономической, научно-технологической, экологической, культурной и международной.

Мы не будем вдаваться в обсуждение достоинств и недостатков вышеприведенной типологизации. Напомним, что текст «Стратегии» сразу же после его опубликования вызвал множество критических замечаний в отечественном экспертном сообществе. Здесь для нас важно отметить, что перечисленные выше виды безопасности настолько тесно связаны друг с другом, что далеко не всегда можно провести границу между одним и другим видом. Очевидно, что информационная безопасность, и прежде всего, такая ее часть как информационно-психологическая безопасность, не существует в отрыве от культурной безопасности и от того, что называют **социальной безопасностью** (Romanova, 2021, p. 62). С определенных позиций информационно-психологическая политика может рассматриваться как часть культурной политики, но и культурная политика при соответствующем подходе видится как часть политики информационно-психологической. Не вызывает сомнений «взаимопроникновение» информационной (как информационно-технической, так и информационно-психологической) безопасности с безопасностью научно-технологической, экономической, военной, а также с другими видами безопасности.

Проблематика информационной безопасности включает вопросы надёжной защиты информации от уничтожения, искажений, несанкционированного доступа или изменений, злонамеренного использования. Кроме того, те или иные виды информации могут представлять опасность для технических (прежде всего, электронных) систем, для социальных систем (включая общество) и для индивидов. Обеспечение

информационной безопасности в широком смысле требует внимания к вопросам, которые, на первый взгляд, могут показаться никак не связанными друг с другом. Анатолий Малюк дает следующее определение информационной безопасности: «Информационная безопасность – такое состояние рассматриваемой системы, при котором она, с одной стороны, способна противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних информационных угроз, а с другой – ее функционирование не создает угроз для элементов самой системы и внешней среды» (Малюк, 2004, с. 12). Данное определение применимо к самым разным информационным угрозам и системам, в числе которых – живые и неживые, обладающие или не обладающие интеллектом (естественным или искусственным). Например, человека можно рассматривать как сложную самообучающуюся информационную систему, которая может быть выведена из строя в результате воздействий на имеющуюся в ней модель мира, активизации, нейтрализации или искажения информации, «запуска» процедур саморазрушения (Раскин, 2015). Аналогичным образом можно рассматривать и общество.

Возвращаясь к дискуссиям по информационно-психологической безопасности, которые велись на рубеже XX и XXI столетий, отметим, что в ходе этих дискуссий были введены в оборот два ключевых понятия, значимость которых в современных контекстах существенно возросла. Это такие понятия как *«психологический потенциал»* (личности и социума) и *«информационно-ориентировочная основа поведения»*. Указанные понятия были сформулированы авторами, рассматривавшими феномен информационной безопасности под разными углами зрения. Под психологическим потенциалом человека понимается результирующая характеристика совокупности психологических свойств, позволяющих индивиду осуществлять продуктивную жизнедеятельность. Что же касается психологического потенциала социума («популяционного психологического потенциала»), то он представляет собой системное свойство, которое зависит не только от психологических свойств индивидов, но также (в значительной мере!) от способов организации и организационных структур, имеющих в данном социуме. С этих позиций информационно-психологическая безопасность рассматривается как такое положение дел в системе «человек – информационная среда» (соответственно, «социум-информационная среда»), которое не вызывает снижения психологического потенциала за допустимые пределы. Иными словами, при таком состоянии информационной среды и обладателя психологического потенциала не блокируется возможность последнего осуществлять продуктивную жизнедеятельность. К основным признакам продуктивной жизнедеятельности при этом относят такие как устойчивость, повышение степени независимости человеческого общества от неблагоприятных условий среды, направленность на удовлетворение «естественных» потребностей человека (биологических и духовных) и на развитие личности (Смолян, Зараковский, Розин, Войскунский, 1997). Отметим, что указанная трактовка продуктивности явно отличается от расхожего понимания продуктивности как производства все большего числа определенных видов продукции на заданном отрезке времени или получение все большего числа

денежных единиц. Весьма сложен вопрос о том, какие из потребностей человека являются «естественными», а какие нет, - особенно если речь идет о духовных потребностях. Можно ли все потребности подразделить на биологические и духовные? Все ли небιологические (над-биологические) потребности относятся к духовным? Список вопросов можно продолжить, однако нельзя не признать, что меры по обеспечению информационно-психологической безопасности так или иначе направлены на сохранение (и, при возможности, повышение) психологического потенциала людей, групп и общества в целом.

Информационно-психологическая политика, осуществляемая тем или иным субъектом (государством, организацией, группой) может быть истолкована как направленная на обеспечение информационно-психологической безопасности одних групп (организаций, обществ) и нанесение ущерба информационно-психологической безопасности другим группам (организациям, обществам). В первом случае речь может идти о сохранении или повышении психологического потенциала, во втором – о его понижении. Здесь возникает опасность отождествления психологического потенциала с психологическим подъемом. Общество, группа или отдельный человек может переживать психологический подъем, выполняя действия, направленные объективно в сложившихся обстоятельствах на саморазрушение, однако при этом субъективно воспринимать данные действия как способствующие достижению положительных целей.

Аналогичные проблемы связаны с применением в информационно-психологической политике методов и приемов, аналогичных тем, которые традиционно использует психолог или психиатр для психологической защиты личности в индивидуальной работе с пациентом. Такие приемы нередко требуют преднамеренного искажения объективно существующей ситуации для того, чтобы снять эмоциональное напряжение, не допустить опасного понижения самооценки пациента, защитить его положительный образ «я» (само-образ). При этом психиатр и психолог подчиняются нормам профессиональной этики, руководствуются принципом «не навреди», учитывают индивидуальные особенности пациента. Иное дело - субъект (агент), воздействующий на группы, сообщества и общество в целом для достижения целей, далеко не всегда совпадающих с целями реципиентов воздействия. И даже при совпадении целей (например, если цель и субъекта, и реципиента - благо общества) использование средств преднамеренного искажения объективных обстоятельств может угрожать не только психологической, но и физической безопасности людей.

Необходимость соответствия субъективного восприятия объективному положению дел подчеркивают авторы, выдвигающие на первый план **адекватную информационно-ориентировочную основу поведения** социального субъекта. С этих позиций информационно-психологическая безопасность видится как «состояние защищенности психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе» (Грачев, 2003, с. 145). Мы считаем целесообразным рассматривать **поддержание психологического потенциала**

и обеспечение адекватной информационно-ориентировочной основы деятельности как двуединую задачу (Алексеев, Алексеева, 2021). Без умения находить, воспринимать и правильно оценивать информацию, ориентироваться в информационных ресурсах и создавать ресурсы невозможна созидательная деятельность человека и обеспечение необходимого психологического потенциала общества. Адекватная информационно-ориентировочная основа деятельности – необходимый ориентир, хотя оценки соответствия (или несоответствия) реального положения дел данному ориентиру зависят во многом от того, какие именно фрагменты и ракурсы сложной структуры общества и картины общественной деятельности мы принимаем во внимание и с каких позиций (прагматических, политических, мировоззренческих) рассматриваем эти фрагменты.

Развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий, открывая для людей и обществ беспрецедентные возможности доступа к информации, создает, вместе с тем, и новые препятствия на пути формирования адекватных информационно-ориентировочных основ поведения и деятельности. Сознание человека и общественное сознание становятся объектом воздействий множества различных систем и структур, преследующих самые разные цели и часто конкурирующих между собой. Такие воздействия нередко имеют манипулятивный характер. Цели субъекта манипуляции, скрытые от реципиента воздействия, расходятся с интересами и объективно существующими потребностями последнего, однако применение все более изощренных приемов и технологий «обработки» сознания и бессознательного, эмоционально-волевой сферы человека создает иллюзию совпадения интересов манипулятора и манипулируемого. В этих условиях возрастает значимость поиска и применения современных способов и средств защиты от манипуляций.

Угрозы информационно-психологической безопасности личности и общества далеко не всегда связаны с целенаправленными воздействиями со стороны индивидуальных или коллективных субъектов. С течением времени обнаруживаются все новые опасности, порождаемые развитием информационно-технологической среды и ростом разнообразия форм активности в этой среде. Речь идет об опасностях деформаций в структуре личности, в способах ее социализации, о порождении рискованных социально-психологических ситуаций. Елена Труфанова справедливо отмечает: «Идентичность личности в таких условиях [неограниченных коммуникативных возможностей – И. А. и А. А.] оказывается под угрозой рассыпания: незначительные (как нам, поначалу, кажется) фрагменты нашего бытия, став онлайн-событиями, внезапно для нас оказываются значимыми для других, наша внутренняя система оценки себя дает сбой. Сложность заключается в том, что полный отказ от использования современных коммуникативных средств не является выходом из сложившейся ситуации – он будет восприниматься как эскапизм, бегство, затворничество – современный человек вынужден оставаться в режиме «онлайн», поскольку только так он может оставаться активным членом общества» (Труфанова, 2021, с. 34).

Связь информационно-психологической безопасности личности с безопасностью общества имеет сложный характер (Харламенкова, 2019). Так или иначе, само существование этой связи не вызывает сомнений. «Битва за умы» - важная составляющая информационной политики противоборствующих государств и структур. В организации информационно-психологических воздействий на индивидуальное и массовое сознание используются проблемы и противоречия, реально имеющиеся в данном социуме. При этом индивидам и группам внушается уверенность в невозможности решения таких проблем законными способами за счет улучшения существующей системы, блокируются способности управляющих подсистем к самообучению и самосовершенствованию, к согласованным действиям ради общего блага, создаются препятствия для реализации творческого потенциала человека и общества. Конечная цель осуществляемых в этом русле информационно-психологических операций состоит если не в уничтожении, то, во всяком случае, в существенном ослаблении государства и страны.

В данном отношении показателен экспертно-аналитический доклад корпорации RAND «Растягивание России: конкуренция с выгодных позиций» (“Extending Russia: Competing from advantageous ground”) (Extending... web). Информационно-психологическая политика, представленная в данном докладе, является частью комплекса мер политического, экономического и военного характера, имеющих целью существенное ослабление, а в предельном случае – уничтожение нашей страны. Указанный доклад был подготовлен в 2019 году, а в 2020 опубликован соответствующий отчет с «усиленным» названием «Чрезмерное растягивание и разбалансирование России: Оценка эффективности вариантов» (“Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options”) (Overextending..., web). Информационно-психологическая политика, направленная против нашей страны, характеризуется в отдельной главе вышеупомянутого доклада. Эта глава называется «Идеологические и информационные действия» (“Ideological and Informational Measures”). В этом разделе, привлекая внимание российских философов (Алексеев, 2021), прямо заявлено о необходимости проведения коллективным западом подрывной информационной кампании по делегитимации политического режима (“Western information campaign that helped to undermine key aspects of the regime’s claim to legitimacy”). В качестве основных направлений информационно-психологической политики, нацеленной на дестабилизацию российского общества, здесь выделены следующие. Во-первых, это создание представления о сформировавшейся в Российской Федерации электоральной системе как о чрезвычайно коррумпированной. Во-вторых, создание представления о безразличии власти к интересам людей. В-третьих, поддержка протестных действий, способствующих падению доверия общества к властям. В-четвертых, ухудшение международного положения Российской Федерации, снижение престижа, утрата статуса мировой державы и исключение из «двадчатки». В русле указанных направлений через средства коммуникации и социальные сети распространяется информация (или дезинформация?) о нарушениях правил подсчета голосов на выборах разных уровней, о фальсификациях, о создании неравных условий для конкуренции кандидатов. Что касается ухудшения положения населения, то

здесь важно показать, что за конфронтацию с западом приходится платить слишком высокую цену. Кроме того, необходимо убеждать народ в коррумпированности чиновников. Предполагалось, рост санкционного давления и негативные процессы внутри общества (стимулируемые политикой США) будут вести к снижению уровня жизни, а на этом фоне будет расти эффективность протестных действий.

Авторы упомянутых документов утверждают, что психологическим эффектом должно стать усиление страхов и опасений в российском обществе (и в системе государственного управления), и что будет подталкивать страну на пути, где она надорвет свои военные и экономические силы. Опубликование данных текстов в открытом доступе соответствует заявленной авторами позиции, согласно которой информация о действиях, направленных на «пере-растягивание» (перенапряжение) России должна служить своего рода психологическом оружием.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 года, отмечалось: «Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий» (Указ... web). Кроме того, отмечалось, что в зарубежных СМИ растет объем материалов, содержащих «предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации», в то время как российские СМИ подвергаются откровенной дискриминации.

С началом в 2022 году Специальной военной операции интенсивность подобного рода информационно-психологических воздействий существенно возросла. **Информационно-психологическая война** стала одной из важных составляющих военного противоборства. Все войны, начиная с древних времен, имели информационные и информационно-психологические составляющие. Однако эти составляющие не были настолько обширными и проработанными, как в войнах XX века. К началу нынешнего столетия благодаря развитию электронно-вычислительных (цифровых) технологий, конвергировавших с технологиями связи, сформировалось глобальное информационное пространство, где открываются новые возможности ведения информационно-психологических и других видов информационных войн.

Одно из свидетельств того, что Российская Федерация стремилась избежать участия в межгосударственных информационных войнах – внесенные в ООН предложения по разработке международных принципов предотвращения таких войн. В документах, представленных в ООН, было дано определение **информационной войны** как «противоборства между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической и социальной систем другого

государства, а также массовой обработки населения и дестабилизации общества» (Документы.. 2001, с. 304). Под информационным пространством понималась «сфера деятельности, связанная с созданием, преобразованием и использованием информации, включая индивидуальное и общественное сознание, информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и собственно информацию» (Документы... 2001, с. 314).

Предложения Российской Федерации были отклонены Соединенными Штатами Америки, поставившими перед собой цель достичь к 2020 году «доминирования по всему спектру» (Joint Vision... 2000, р. 6). Это включает, наряду с прочим, **информационное преобладание** над любым возможным противником, конкурентом или оппонентом. Информационное преобладание определяется реальной возможностью накапливать, обрабатывать и беспрепятственно распространять информацию, затрудняя при этом выполнение аналогичных действий соперником или используя действия и ресурсы последнего в своих интересах (Joint Vision... 2000, р. 8). Субъект информационного преобладания и доминирования пользуется широким спектром способов информационного мониторинга, информационного давления, информационного сдерживания (Роговский, web), самыми эффективными методами прогнозирования происходящих в мире изменений; ему нет равных в скорости принятия наилучших решений и в искусстве влиять на восприятие действительности противником, изменяя это восприятие в собственных интересах. Заметим, что с этих позиций упомянутые выше доклад и отчет RAND могут рассматриваться как средство влияния на восприятие действительности российскими властями и обществом, приобретающими статус противника.

Согласно пониманию войны, восходящему к Клаузевицу, главной задачей применения военной силы является **преодоление воли противника** (Клаузевиц, 1937; Кокошин, 2014). В 90-х годах ушедшего столетия в США были сформулированы концепции психологической войны как особого рода информационной войны между государствами, в ходе которой проводятся психологические операции против **национальной воли** (“national will”) и предполагающей «войну культур» (“cultural warfare”, “*kulturkampf*”) (Libicki, 1996). В современных руководствах по психологическим операциям (PSYOP) армии США такие операции характеризуются как способ влияния вооруженных сил на сознание и поведение «целевого населения» путем воздействия на представления, мысли и чувства (US Army PSYOP, 2019). Вопросы развития сил обеспечения психологических операций находятся сегодня в поле зрения российских ученых (Ахунзянов, 2022).

Возможности психологических операций США не в последнюю очередь связаны с потенциалом «мягкой силы» (Ярмак, 2022), использующей богатый набор инструментов, который включает традиционные и новые СМИ, НКО, массовую культуру, кинематограф, социальные сети. Все эти средства задействуются в процессах формирования очередного «образа врага» или «оси зла», распространения соответствующих оценок текущих событий. При этом «сомнительные, часто фальсифицированные данные подготавливают мировую общественность к последующим действиям и жестким решениям» (Oskina, 2022). Проводимая сегодня в странах

Евросоюза политика «отмены России» может быть понята как разновидность **«культуркампа»** в некоторых отношениях более далеко идущая, чем «культуркампф» гитлеровской Германии.

Результаты воздействия такой политики на волю страны-противника (как и на волю собственных стран) сложны и противоречивы. Их оценка затрудняется фактором недостаточной проясненности самого феномена «национальной воли», которая не может быть понята «просто» как воля народа, воля государства или как «сумма» обозначенных волей. Как известно, общество состоит из множества групп, выделяемых по разным основаниям и признакам (в том числе с учетом возможностей, предпочтений и ценностей), а также из разного рода структур, сетей и организаций, имеющих различное происхождение и цели. Что касается государственного управления, то его осуществляют люди, по-разному понимающие смысл работы системы и своего нахождения в системе. К сказанному следует добавить, что результаты информационно-психологических воздействий со стороны определенного субъекта (мега-субъекта) не всегда возможно отделить от результатов воздействий на тот же объект других субъектов, а также от результатов самостоятельного осмысления реципиентом сложившегося положения дел, собственного опыта и обстоятельств жизни.

Незадолго до начала СВО аналитики НАТО писали об опасности утраты современным западным обществом **коллективной воли**, необходимой для отпора противнику в «**когнитивной войне**» (John Hopkins... web). Мы склонны рассматривать выражения «**информационно-психологическая война**» и «**когнитивная война**» как синонимы, каждый из которых может быть предпочтительным в соответствующем контексте. В ряд синонимов, по-видимому, можно включить и выражение «**ментальная война**», предложенное Андреем Ильницким для обозначения, имеющего информационную и психоэмоциональную составляющие «агрессивного комплексного воздействия, которое направлено не только на информационное поле, но также на образование и воспитание» (Ментальная... web).

Так или иначе, информационно-психологическая политика играет не последнюю роль в формировании и разрушении образов и само-образов народов, групп, организаций и отдельных людей, вовлеченных в разворачивающиеся на наших глазах исторические процессы. Упомянутая «отмена России» предполагает, в числе прочего, исключение из культурного пространства шедевров, созданных российскими авторами в XIX веке. Усилия по «отмене России» не только современной, но также России советской эпохи и эпохи империи, наглядно проявляются в разрушении монументов, а также в других действиях, относящихся к области, которую принято называть «**политикой памяти**». Последняя составляет важную часть информационно-психологической политики.

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» КАК ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ученые характеризуют **политику памяти** как «функционирующую систему взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического

использования прошлого» (Ефременко, 2018, с. 68). «Политическое использование прошлого» включает в качестве составной части использование информации, данных и знаний, накопленных исторической наукой, документированной информации, находящейся в распоряжении государственных и других организаций, а также знаний и представлений, передаваемых в рамках сообществ, групп, семей и формирующихся в межличностных взаимодействиях. Важными средствами «политического использования прошлого» служат СМИ (новые и традиционные), киноиндустрия, производство аудио- и видеопродукции.

Политика памяти активирует в определенных целях те или иные знания и представления, хранящиеся «на складах» исторической и социальной памяти. Цели политики памяти (называемой также *«исторической политикой»*) могут состоять в «легитимации и делигитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочих задачах, составляющих предмет ежедневной заботы политиков» (Малинова, 2014 с. 69). В соответствии с подобными целями осуществляются изменения в организации памяти обществ и групп, те или иные факты извлекаются из «складов памяти» и поступают в активную память (и наоборот), обществу предлагаются новые (или забытые старые) интерпретации событий прошлого и связей прошлого с настоящим.

Не удивительно, что в условиях информационно-психологической войны как части горячей войны (и части войны гибридной) прилагаются значительные усилия для создания отрицательного образа противника с целью делигитимации его притязаний и действий. Существенной частью информационно-психологических войн становятся *«войны памяти»*. Примечательно, что с российской стороны заметные шаги в этом направлении стали предприниматься с началом Специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, хотя усилия по созданию отрицательного образа России в США и странах Евросоюза были заметны на двадцать лет раньше, а с 2014 года политика дискредитации России и россиян в этих странах значительно интенсифицировалась и диверсифицировалась.

Следует отметить, что позднесоветское и раннее постсоветское российское общество оказалось весьма восприимчиво к информационно-психологическим воздействиям извне, направленным на создание отрицательного само-образа страны. Одним из многочисленных результатов успешной исторической политики стран Запада на этом направлении стало укоренение в информационной, образовательной и даже научно-исследовательской сфере России мифа «Освенцим и Гулаг», органично вписанного в контекст представлений о «равно-порочности» СССР (как минимум, сталинского периода) и гитлеровской Германии. В сознании части российского интеллектуального класса укоренилось представление об «исторической вине» России, СССР и русских перед разными народами и странами. Следует заметить, что представления об «исторической вине» какого-либо народа или государства были несовместимы с марксистской идеологией и не культивировались в нашей стране в советское время. Однако такие представления использовались в «исторической политике» зарубежных государств и организаций, тесно связанных с США.

Отождествления СССР и гитлеровской Германии стало одним из основных мотивов в исторической политике постсоциалистической Польши. Показателен в этом отношении созданный в 90-е годы XX века Институт национальной памяти (Instytut Pamięci Narodowej, английское название – Institute of National Remembrance). Текст «Краткая история Польши 1939–1989», содержащийся на официальном сайте этого института, описывает обозначенный период как охватывающий «немецкую и советскую оккупации, а также «историю Польши при коммунистическом режиме». Здесь сказано: «Репрессии Гитлера были направлены, прежде всего, против политической, культурной, религиозной, социальной и интеллектуальной элиты. Подобным же образом (similarly), сотни тысяч польских граждан с территорий, оккупированных Советским Союзом, были депортированы в Сибирь и Казахстан, где жили в нечеловеческих условиях» (Brief history..., web). Появление подобного рода институций и текстов после распада СССР и социалистической системы могло быть понято как сигнал о начале нового этапа информационно-психологической войны против нашей страны, однако в течение многих лет не воспринималось российской властью и обществом в качестве такого сигнала.

На протяжении последних трех десятилетий историческая (как и в целом информационно-психологическая) политика российского государства была весьма противоречивой. С одной стороны, образ победы в Великой Отечественной войне стал одной важнейших символьных опор постсоветской российской государственности. Власти уделяли большое внимание организации памятных мероприятий, поддерживали соответствующие народные инициативы. С другой стороны, к продолжению «хрущевской» традиции замалчивания на официальном уровне роли верховного главнокомандующего в этой войне добавилась драпировка мавзолея Ленина на время проведения парадов Победы. Из школьной программы был исключен роман Фаддеева «Молодая гвардия», рассказывающей о беспримерном подвиге советских юношей и девушек, зверски замученных врагом, зато в этой программе появилась книга Солженицына «Архипелаг Гулаг», где весьма сочувственно описываются бандеровцы, воевавшие на стороне фашистов. Предложения по изменению программы громко звучат лишь в последние месяцы, но будут ли эти предложения приняты – неизвестно.

Такое положение дел не в последнюю очередь объясняется обстоятельствами крушения советского проекта и формирования на его обломках общества, тип которого мы до сих пор затрудняемся определить. На рубеже 80-х – 90-х годов XX века произошли мгновенные по историческим меркам изменения в ценностных ориентирах, в самосознании общества, индивидов и групп. Страна, лишь несколько лет назад провозглашавшая свой общественный строй самым передовым, в начале 90-х объявляет себя отставшей в развитии, неспособной самостоятельно определить пути построения современной экономики и необходимой для этого системы науки и образования. Следование в фарватере политики США и выполнение пожеланий лидеров западных стран стало считаться гарантией безопасности - политической, экономической, военной.

Показательны в данном отношении действия и публичные выступления Бориса Ельцина, с удивительной скоростью прошедшего путь от руководящего работника Коммунистической партии Советского Союза до непримиримого антикоммуниста. Так, выступление Ельцина на XIX конференции КПСС в 1988 году было проникнуто заботой о репутации оратора в глазах коммунистов (Стенограмма..., web), а через два года (в 1990 году на XVIII съезде КПСС) Ельцин объявил, что выходит из коммунистической партии. По прошествии еще одного года, 23 августа 1991-го во время заседания Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Ельцин, будучи уже Президентом России, подписывает указ о прекращении деятельности коммунистической партии на территории страны. Наконец, 17 июня 1992-го состоялось знаменитое выступление Ельцина в Конгрессе США. Здесь бывший член ЦК КПСС произнес такие слова: «Мир может вздохнуть спокойно. Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть» (Выступление... web). Каким образом подобное заверение могло совмещаться в памяти индивида с определением коммунизма, которое высокопоставленный партийный руководитель должен был помнить если не наизусть, то хотя бы близко к тексту? Речь идет о словах из раздела «Коммунизм – светлое будущее всего человечества» принятой в 1961 г. программы Коммунистической партии Советского Союза. Здесь коммунизм характеризуется как бесклассовый общественный строй, «высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (Программа...1986, с. 125).

Столь быстрый «перелет» политического словаря из коммунистического смыслового гнезда в антикоммунистическое был характерен для многих представителей влиятельных административных и интеллектуальных групп. Вместе с тем, в обществе оставалось значительное число людей, не готовых подобным образом изменить свои позиции. Это стало одним из факторов, обусловивших противоречия в политике памяти, проявлявшиеся на протяжении всего постсоветского периода. Подобные противоречия мы наблюдаем в общественных настроениях, в сознании и проявлениях бессознательного. Показательный пример – феномен «советской ностальгии несоветского поколения» (Романова, Федорова, 2021), связанной с ростом посвященного СССР интернет-контента.

В формировании и реализации политики памяти, или исторической политики, участвуют не только (и не столько) официальные лица государств, но и люди разных родов деятельности, включая политтехнологов, политологов, журналистов, производителей аудио- и видеопродукции. Предметом дискуссий стало положение ученых-историков. Работа в области исторической науки должна протекать в пределах ценностно-нормативной системы, регулирующей любую научную деятельность, и вместе с тем, подчиняться специфическим нормам собственно исторического

исследования. Речь идет об использовании особых методов работы с информацией, изучения следов прошлого в настоящем, установления подлинности фактов прошлого, о критериях отбора фактов для исторического повествования, о способах понимания и объяснения прошлого. «Выяснение связи между событиями прошлого имеет отношение к еще своеобразной особенности исторического познания, - отмечает В. А. Лекторский. - Дело в том, что историки постоянно переоценивают прошлое и переписывают историю... Время не только выявляет новые связи, отношения между событиями, но и нередко заставляет нас иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о человеке и обществе. И в свете этих новых представлений мы начинаем видеть в прошлом то, чего не видели раньше» (Лекторский, 2001, с. 245-246). Однако учеными-историками указанная особенность их работы осознается и оценивается по-разному.

В соответствующей литературе можно найти примеры открытой декларации историографического «презентизма» (от англ. “present” – настоящее). Презентизм утверждает конструктивистский подход к истории, понимаемой как образ прошлого, создаваемый в настоящем с учетом забот и запросов настоящего. Вместе с тем, представлена и позиция, согласно которой истинный ученый должен заниматься производством «просто научного знания», избегая «историзации» наличной политической реальности (Савельева, Полетаев, 2005). Последнюю установку можно принять, однако трудно осуществить на деле, поскольку ученый-историк, будучи одним из носителей исторического сознания общности, существующей в настоящем, не может избежать соотнесения изучаемых событий прошлого с актуальными проблемами данной общности, ее ценностями и представлениями о будущем.

В ранее опубликованных работах (Алексеева, 2019) мы касались проблем, связанных с преподаванием отечественной истории в обществе, где представлены разные подходы к описанию прошлого страны и оценке исторических событий, где с участием ученых-историков конструируются разные (порой радикально различные) образы «Мы». Следует отметить, что российские педагоги достаточно давно обращают внимание на то обстоятельство, что сознание школьника стало «полем битвы за прошлое». В этом контексте ставится вопрос о том, что в школьном курсе истории нужно знакомить учеников с феноменом «войн памяти». «Когда бои за «Историю», а значит, бои за память и сознание молодых людей приобретают все более утонченные формы, растет в цене не объем учебной информации, а умения ориентироваться в ее круговоротах и не становиться жертвами манипуляций», - писала Ольга Стрелова в 2012 году (Стрелова, 2012, с. 96). В свете последних событий становится все более очевидным, что не только школьная история, но едва ли не все обществоведческие дисциплины (и не только школьные, но и университетские) могут с определенных позиций рассматриваться как арена информационно-психологических («ментальных») противоборств, в которые, осознанно или нет, вовлекаются многие ученые и преподаватели.

Несколько лет назад, обсуждая особенности политики памяти в нашей стране, мы придерживались позиции, согласно которой противоречивость и принципиальный

эkleктизм в «политическом использовании прошлого» современной властью является одним из факторов, обеспечивающих необходимую обществу свободу в вопросах самопознания и исторического сознания, предполагающую, в числе прочего, отсутствие политико-идеологического «пресса», который затруднял бы профессиональную деятельность ученых-гуманитариев (Алексеева, Алексеев, 2018). Сегодня подобный подход нуждается в существенных оговорках.

В сложившихся условиях особенно остро осознается потребность в обществоведческих концепциях, которые могли бы служить надежной ориентировочной основой само-осмысления и само-проектирования общества, способствовать осуществлению возможностей исторического творчества. Однако интеллектуальные группы, ориентированные на создание именно такой основы (а не на рассмотрение текущей ситуации через «очки» импортных концептуальных построений) не обладают на данный момент коммуникативно-организационными и материальными ресурсами, необходимыми для решения столь сложной задачи.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОСТИ

На протяжении многих лет мы писали о неправомерности отказа российского общества от интеллектуального суверенитета (Алексеев, Алексеева, 2016). Вопрос интеллектуального суверенитета приобрел особую остроту после событий 2014 года, когда резко усилились и приобрели демонстративный характер негативные воздействия на нашу страну со стороны со стороны США и подчиненных им (хотя и формально независимых) государств. В совокупности эти станы образуют систему, обладающую существенными преимуществами перед Российской Федерацией по многим показателям в сфере экономики, финансов, промышленности и технологий (включая информационные технологии), в науке и образовании. **Интеллектуальный суверенитет** общества несовместим с готовностью без осмысления и критики воспринимать оценки собственного состояния и деятельности, предлагаемые и используемые другими обществами и государствами в их собственных интересах, зачастую не совпадающих с интересами и потребностями развития общества-реципиента. Обеспечение интеллектуального суверенитета требует поиска собственных, соответствующих характеру данного социума, средств и способов само-описания и миро-описания, организационных форм производства, распространения и использования знаний, самостоятельного определения базисных ценностей и стратегических целей.

Современное общество не может существовать без коммуникации с другими обществами и международными структурами, без участия в процессах получения и распространения информации и знаний. Интеллектуальный суверенитет системы никоим образом не предполагает ее изоляции, однако не допускает необдуманного заимствования ориентиров, стандартов и правил без соотнесения их с собственными возможностями и потребностями. Подобное заимствование, пусть и осуществляемое с желанием улучшить систему, ведет к ее деградации вследствие отсутствия адекватных средств понимания и условий выполнения соответствующих установок,

наличия в системе блокирующих механизмов или критически важных элементов и подсистем, которые несовместимы с заемными. Следствием отказа общества от интеллектуального суверенитета становится **переориентация с путей творческого осмысления мира и само-осмысления на пути «вторичности»**, где интенсивная интеллектуальная деятельность заведомо ограничена рамками «импортных» концепций и подходов, создатели которых не были сколько-нибудь близко знакомы ни с проблемами данного общества (на разных этапах его истории), ни с накопленным опытом осмысления этих проблем.

По существу, вопрос интеллектуального суверенитета был остро поставлен еще в XIX веке представителями русского **почвенничества** – направления общественной мысли, не привлечшего такого внимания, которое было бы сравнимо с тем, что получили борющиеся друг с другом западничество и славянофильство. Как актуальное послание из прошлого читаются сегодня написанные в 1861 году (после объявления крестьянской реформы) слова Аполлона Григорьева: «Есть вопрос и глубже, и обширнее по своему значению всех наших вопросов - и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о ужас!) о политической свободе. Это вопрос нашей умственной и нравственной **самостоятельности**» (Григорьев, 1861. Цит. по: Собр. соч., 2015, с. iii) Выдающийся литературовед Владимир Саводник утверждал, что именно **«вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности»** проходил красной нитью через все произведения этого писателя и критика, пренебрежительно относившегося к «подражательной литературе» и горячо верившего в «великие творческие силы русского народа и в его высокое призвание» (Собр. Соч. 1815, с. Iii).

Сегодня мы можем утверждать, что вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности (которая и есть **интеллектуальный суверенитет**) глубже и шире по значению, чем вопросы о типе политической и экономической системы, критериях демократии и другие того же ряда. Военные действия на территории государств, образовавшихся на месте СССР, - одно из трагических следствий избранного правящими кругами этих стран в начале «лихих девяностых» курса на «вторичность», на подчинение не только финансовым и политическим, но также культурно-идеологическим и мировоззренческим структурам, работающим на обеспечение глобального доминирования США.

В начале 2021 года в журнале «Военная мысль» вышла статья с показательным названием – «Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности». Автор Андрей Ильницкий настаивал, что существование в повестке, навязанной США и их агентами влияния «категорически не соответствует суверенному выбору России» (Ильницкий, 2021а, с. 9). Речь шла о необходимости «ускоренного формирования национальной системы противодействия гибридно-информационным угрозам», которая включала бы научно-образовательный центр гуманитарных технологий, связанный с сетью «мозговых центров», объединяющих лучшие экспертные силы в соответствующих областях. Позже Ильницкий выдвинул идею **«ментальной безопасности»** как «интегрирующего показателя» всех видов

безопасности, в том числе военной, территориальной, экологической (Ильницкий, 2021b, с. 30). Представление подобных идей на страницах военного журнала выглядело вполне закономерным в контексте предпринимавшихся государством усилий по укреплению военно-политического суверенитета.

События 2022 года более острым, чем когда-либо ранее, вопрос *интеллектуальной мобилизации*, предъявляющей повышенные требования к научно-образовательному комплексу, важнейшие задачи которого должны определяться *обеспечением жизнеспособности общества в целом*. Однако не только выполнение, но и осознание таких задач чрезвычайно затруднено последствиями двадцатилетней «перекройки» отечественного научно-образовательного комплекса в соответствии с установками глобальных финансовых структур, производящих все новые и новые *дезориентирующие ориентиры* для этих областей. Эти ориентиры определяются сформулированными в начале нашего столетия установками Всемирного банка на «глобальное образование для глобальной экономики», предполагающее оценку научно-образовательной деятельности по образцу деятельности финансово-экономической, с соответствующими инструментами контроля со стороны структур, обеспечивающих доминирование США. Государствам была рекомендована «разработка механизмов обеспечения качества (оценка, аккредитация, национальные экзамены, рейтинги и публикация информации)» (Формирование..., 2003, с. xxvi). В результате реализации таких установок в управлении интеллектуальной сферой, прежде всего образованием и наукой, утвердились *банковские идеалы вычислимости*, сводящие смысл существования этих областей к достижению показателей, измеряемых финансовыми организациями и разного рода рейтинговыми агентствами.

После начала СВО группа Всемирного банка свернула свои программы в России, однако указанные установки продолжают действовать. Российские ученые, как и учреждения образования и науки, продолжают участвовать в библиометрических и рейтинговых гонках. На этом пути порой создается иллюзия управления научной сферой на научной основе, - прежде всего, на основе наукометрии. Однако речь в данном случае идет именно об иллюзии, поскольку наукометрия – лишь часть обширного науковедческого комплекса, к которой весь комплекс свести невозможно. Что же касается полно-объемного видения науковедения, то оно охватывает философию науки, социологию науки, историю науки, экономику науки, психологию научного творчества и правовое регулирование научной деятельности. Наукометрия (существенную часть которой составляет библиометрия научных публикаций) никоим образом не должна занимать в этом ряду господствующее положение (Алексеев, Алексеева, 2020; Шупер, 2022). Науковедение – важная форма самосознания науки, без которого немыслимо самосознание современного общества. Информационно-психологическая политика, имеющая дело с самосознанием общества, тем или иным образом касается вопросов самосознания науки и направлений исследований в сфере социально-гуманитарного знания.

Обсуждая современные проблемы и возможности, имеет смысл учитывать опыт времен Великой Отечественной войны, когда в области такой гуманитарной науки как философия планы научной работы «были скорректированы и направлены на

реализацию проектов, связанных с укреплением патриотизма, развитием национального самосознания, возрождением классических форм науки и культуры, преемственных по отношению к историческому наследию России» (Черняев, 2020, с. 175). Ответом на вызовы времени стало обращение и к истории отечественной философии, и к традиционной логике как основе классической рациональности. Это можно понять как *своеобразную реанимацию почвеннической идеи в новом историческом контексте*, с изменившимися условиями жизни и деятельности и, кроме того, при необходимости согласовываться или, как минимум, избегать явных противоречий с установками марксистско-ленинской идеологии.

Учитывая опыт восьмидесятилетней давности, мы не можем и не должны его копировать в новых исторических условиях, на современном уровне социального, интеллектуального и технологического развития. И все же нельзя игнорировать того обстоятельства, что вопросы рациональности и разумности, как и вопросы возврата из тени забвения важных частей отечественного интеллектуального наследия стали сегодня не менее, а, может быть, более острыми, чем в годы Великой отечественной войны. Парадоксальным образом в эпоху высоких технологий усиливаются тенденции архаизация сознания, «соскальзывающего» с уровня системного мышления на уровень мышления ассоциативно-картиночного, освобождающегося от стремления к пониманию сути рассматриваемых явлений, объективности и логической непротиворечивости. XXI век демонстрирует растущее влияние «неразумной рассудочности», продукты которой, занимая господствующее положение в глобальном информационном пространстве, угрожают не только развитию, но и самому существованию людей, народов и человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выживание и развитие страны, вступившей в сложное противоборство («гибридную войну») с могущественной политической, экономической и военной системой, требует разработки и проведения продуманной информационно-психологической политики, направленной на формирование адекватной информационно-ориентировочной основы поведения социальных субъектов и на обеспечение необходимого уровня психологического потенциала общества. Актуальность задач, решение которых невозможно без использования науки в целом и социально-гуманитарных наук в частности, побуждает ученых заново переосмысливать исторический опыт и создавать новые концептуальные структуры, необходимые для понимания настоящего и конструирования будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Brief History of Poland 1939-1989. Institute of National Remembrance. Retrieved from: <https://ipn.gov.pl/en/brief-history-of-poland/1,Brief-history.html>

- Extending Russia: Competing from advantageous ground. Santa-Monica, Calif., RAND, 2019. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609>.
- John Hopkins University & Imperial College London (2021). *Countering cognitive warfare: awareness and resilience*. NATO Review. 20 May 2021. Retrieved from: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>
- Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow (2000) Wash. [United States Department of Defense](#)
- Libicki, M. (1996). *What is Information Warfare?* Wash.: National Defense Univ. etc.
- Linebarger, P. (1954). *Psychological Warfare*. Wash.: Infantry Journal Press.
- Oskina, O. I. (2022). The potential of "soft power" in the context of geopolitical expansion. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(3), 23-34
- Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options / RAND corporation. Retrieved from: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.
- Romanova, A.P. (2021). The Concept of Societal Security: Theory, Discussion, and Caspian Perspectives. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 1(1), 55-65.
- US Army PSYOP. Book 1. Psychological Operations Handbook: Psychological Operations Fundamentals (2019). Hailsham: Carlisle Media.
- Алексеев А. П. (2021). Актуальность стратегии в современной информационной войне. VII Декартовские чтения. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке. Материалы международной научной конференции. М.-Зеленоград, 3-8.
- Алексеев, А. П. (2017). Общество в условиях информационной войны: вопрос интеллектуального суверенитета. *Философия и общество*, (2), 18–27.
- Алексеев, А. П., Алексеева, И. Ю. (2016). Информационная война в информационном обществе. *Вопросы философии*, 11, 5–14.
- Алексеев, А. П., Алексеева, И. Ю. (2020). Сложность самосознания науки. *Вопросы философии*, 12, 104-114.
- Алексеев, А. П., Алексеева, И. Ю. (2021). Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. М.: Проспект.
- Алексеева, И. Ю. (2019). Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема. *Философия науки и техники*, 2(24), 82-95.
- Алексеева, И. Ю., Алексеев, А. П. (2018). Философия исторической памяти. *Вопросы философии*, 10, 67-76.
- Ахунзянов, Р. С. (2022). Перспективы развития сил обеспечения психологических операций. *Информационные войны*, 3(63), 85-88.
- Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах сотрудничества между Россией и США. Ельцин центр. Архив аудио. Получено из: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/>

- Грачев, Г.В. (2003). *Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита*. М.: ПЕР СЭ.
- Григорьев, А. (1815). *Собр. Соч. Аполлона Григорьева. Вып. 3*. М.: Тип. Кушнерев, 1.
- Документы Генеральной ассамблеи ООН по вопросу международной информационной безопасности (2001)*. Информационные вызовы национальной и международной безопасности, 273-331.
- Ефременко, Д. В. (2018). Политика памяти и ее роль в формировании европейской идентичности. *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения. Сборник научных статей*. СПб., 67-74.
- Ильницкий, А. М. (2021). Ментальная война России. *Военная мысль*, 8, 19-33.
- Ильницкий, А. М. (2021). Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности. *Военная мысль*, 1, 6-21.
- Ильницкий, А. М., Ленченко, М. К. (2021). Социальная империя как инструмент психологической обороны Российской Федерации. *Военный академический журнал*, 2(26), 70-75.
- Клаузевиц, К. (1937). *О войне*. Пер. с нем. Т. I–II. Изд. 4-е. М.: Госвоениздат.
- Кокошин, А. А. (2014). Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы. *Вопросы философии*, (10), 3–13.
- Лайнбарджер, П. (1962). *Психологическая война* / Пер. с англ. Под ред. Н. Н. Берникова. Москва: Изд-во МО СССР.
- Лекторский, В. А. (2001). *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: УРСС.
- Малинова, О. Ю. (2014). Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов. *Вестник РГНФ*, 1, 69-78.
- Малюк, А.А. (2004). *Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации*. М.: Горячая линия-Телеком.
- Программа коммунистической партии Советского Союза (1986)*. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 81-185.
- Раскин, А.В. (2015). Некоторые философские аспекты информационной войны. *Информационные войны*, 3(35), 18-21.
- Роговский, Е.А. (2009). Американская стратегия информационного преобладания. *Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал*, 3. Получено из: <http://www.rusus.ru/?act=archive&edition=18>.
- Романова, А. П., Федорова, М. М. (2021). «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения Российской Федерации. *Южно-российский журнал социальных наук*, 1(22), 6-18.
- Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (2005). О пользе и вреде презентизма в историографии. *"Цепь времен": Проблемы исторического сознания*. М.: ИВИ РАН, 63-88.

- Смолян, Г.Л., Зараковский, Г.М., Розин, В.М., Войсунский, А.Е. (1997). *Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области)*. М.: ИСА РАН.
- Стенограмма выступления Бориса Ельцина на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Получено из: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-ne-formirovat-vozhdey-i-vozhdizm/>
- Стрелова, О. Ю. (2012). История в школе остается «полем битвы за прошлое», потому что «войны памяти» не утихают. *Проблемы современного образования*, 6, 83-98.
- Труфанова Е. О. (2021). Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 14-38.
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. (2021). Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (2016). Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>
- Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка (2003). М.: Весь мир.
- Харламенкова, Н. Е. (2019). Понятие психологической безопасности и его обоснование с разных позиций. *Психологический журнал*, 1(40), 28-37.
- Черняев, А. В. (2020). Перед лицом исторических вызовов: деятельность советских философов в годы Великой отечественной войны. *Вопросы философии*, 12, 175-181.
- Шупер, В. А. (2022). Научное сообщество между растерянностью и реакционностью. *Управление наукой: теория и практика*, 3(4), 171-188.
- Ярмак, Ю. В. (2022). Мягкая сила идеологии и безопасность. *Caspium Securitatis: журнал Каспийской безопасности*, 1(2), 11-20.

Для цитирования: Алексеева, И.Ю. (2023). Информационно-психологическая политика как фактор безопасности общества. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 50-76.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_50

REFERENCES

- Brief History of Poland 1939-1989*. Institute of National Remembrance. Retrieved from: <https://ipn.gov.pl/en/brief-history-of-poland/1,brief-history.html>
- Extending Russia: Competing from advantageous ground. Santa-Monica, Calif., RAND, 2019. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609>.

- John Hopkins University & Imperial College London (2021). Countering cognitive warfare: awareness and resilience. *NATO Review*. 20 May 2021. Retrieved from: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>
- Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow (2000) Wash. United States Department of Defense
- Libicki, M. (1996). *What is Information Warfare?* Wash.: National Defense Univ. etc.
- Linebarger, P. (1954). *Psychological warfare*. Wash.: Infantry Journal Press.
- Oskina, O. I. (2022). The potential of "soft power" in the context of geopolitical expansion. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(3), 23-34. (in Russian)
- Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options / RAND corporation. Retrieved from: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html
- Romanova, A.R. (2021). The Concept of Societal Security: Theory, Discussion, and Caspian Perspectives. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 1(1), 55-65. (in Russian)
- US Army PSYOP. Book 1. Psychological Operations Handbook: Psychological Operations Fundamentals (2019). Hailsham: Carlisle Media.
- Alekseev A.P. (2021). The relevance of strategy in modern information warfare. *VII Cartesian Readings. Global threats to the development of civilization in the XXI century. Materials of the international scientific conference*. Moscow-Zelenograd, 3-8. (in Russian)
- Alekseev, A. P. (2017). Society in the conditions of information war: a question of intellectual sovereignty. *Philosophy and Society*, (2), 18–27. (in Russian)
- Alekseev, A. P. & Alekseeva, I. Yu. (2016). Information war in the information society. *Questions of Philosophy*, 11, 5–14. (in Russian)
- Alekseev, A. P. & Alekseeva, I. Yu. (2020). The complexity of self-awareness of science. *Questions of Philosophy*, 12, 104-114. (in Russian)
- Alekseev, A. P. & Alekseeva, I. Yu. (2021). *The fate of the intellect and the mission of the mind: philosophy in the face of the challenges of the era of digitalization*. Moscow: Prospect. (in Russian)
- Alekseeva, I. Yu. (2019). Management of historical memory as a transdisciplinary problem. *Philosophy of Science and Technology*, 2(24), 82-95. (in Russian)
- Alekseeva, I. Yu. & Alekseev, A. P. (2018). Philosophy of historical memory. *Questions of Philosophy*, 10, 67-76. (in Russian)
- Akhunzyanov, R. S. (2022). Prospects for the development of psychological operations support forces. *Information Wars*, 3(63), 85-88.
- Speech by the President of the Russian Federation Boris N. Yeltsin at a joint meeting of the US Congress on the prospects for cooperation between Russia and the United

- States. Yeltsin Center. Audio archive. Retrieved from: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/> (in Russian)
- Grachev, G.V. (2003). *Personality and society: information and psychological security and psychological protection*. Moscow: PER SE. (in Russian)
- Grigoriev, A. (1815). *Sobr. Op. Apollon Grigoriev*. Issue. 3. M.: Type. Kushne-rev, 1. (in Russian)
- Documents of the UN General Assembly on the issue of international information security (2001). *Information Challenges to National and International Security*, 273-331. (in Russian)
- Efremenko, D. V. (2018). The politics of memory and its role in the formation of European identity. *Formation of modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimensions. Collection of scientific articles*. St. Petersburg., 67-74. (in Russian)
- Ilnitsky, A. M. (2021). The mental war of Russia. *Military Thought*, 8, 19-33. (in Russian)
- Ilnitsky, A. M. (2021). Ensuring intellectual leadership is the basis of national security. *Military Thought*, 1, 6-21. (in Russian)
- Ilnitsky, A. M. & Lenchenko, M. K. (2021). Social empire as an instrument of psychological defense of the Russian Federation. *Military Academic Journal*, 2(26), 70-75. (in Russian)
- Clausewitz, K. (1937). *About war*. Per. with him. T. I–II. Ed. 4th. M.: State Publishing House. (in Russian)
- Kokoshin, A. A. (2014). Interaction of politics and military strategy: theoretical and applied issues. *Questions of Philosophy*, (10), 3–13. (in Russian)
- Linebarger, P. (1962). *Psychological warfare* / Per. from English. Ed. N. N. Bernikova. Moscow: Publishing House of the USSR Ministry of Defense. (in Russian)
- Lektorsky, V. A. (2001). *Epistemology classical and non-classical*. M.: URSS. (in Russian)
- Malinova, O. Yu. (2014). The use of symbols of the past in the politics of post-Soviet Russia: the evolution of approaches. *Bulletin of the Russian Humanitarian Foundation*, 1, 69-78. (in Russian)
- Malyuk, A.A. (2004). *Information security: conceptual and methodological foundations of information security*. Moscow: Hotline-Telecom. (in Russian)
- Program of the Communist Party of the Soviet Union (1986). *Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. T. 10. M., 81-185. (in Russian)
- Raskin, A.V. (2015). Some philosophical aspects of the information war. *Information wars*, 3(35), 18-21. (in Russian)

- Rogovsky, E.A. (2009). American strategy of information dominance. *Russia and America in the XXI century. Electronic scientific journal*, 3. Retrieved from: <http://www.ru-sus.ru/?act=archive&edition=18> (in Russian)
- Romanova, A. P. & Fedorova, M. M. (2021). "Soviet nostalgia" of the non-Soviet digital generation of the Russian Federation. *South Russian Journal of Social Sciences*, 1(22), 6-18. (in Russian)
- Savelyeva, I. M. & Poletaev, A. V. (2005). On the benefits and harms of presentism in historiography. *"The chain of times": Problems of historical consciousness*. Moscow: IVI RAN, 63-88. (in Russian)
- Smolyan, G.L., Zarakovsky, G.M., Rozin, V.M. & Voiskunsky, A.E. (1997). *Information and psychological security (definition and analysis of the subject area)*. Moscow: ISA RAN. (in Russian)
- Transcript of Boris Yeltsin's speech at the 19th All-Union Conference of the CPSU. Archive of the Presidential Center BN Yeltsin. Retrieved from: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-ne-formirovat-vozhdey-i-vozhdizm/> (in Russian)
- Strelova, O. Yu. (2012). History in the school remains a "battlefield for the past" because the "wars of memory" do not subside. *Problems of modern education*, 6, 83-98. (in Russian)
- Trufanova E. O. (2021). Private and public in the digital space: blurring the boundaries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 14-38. (in Russian)
- Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 On the national security strategy of the Russian Federation. (2021). Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (in Russian)
- Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation (2016). Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (in Russian)
- Formation of a society based on knowledge. New tasks of higher education. *World Bank Report* (2003). Moscow: The whole world. (in Russian)
- Harlamenkova, N. E. (2019). The concept of psychological security and its justification from different positions. *Psychological Journal*, 1(40), 28-37. (in Russian)
- Chernyaev, A. V. (2020). In the face of historical challenges: the activities of Soviet philosophers during the Great Patriotic War. *Questions of Philosophy*, 12, 175-181. (in Russian)
- Shuper, W. A. (2022). Scientific community between confusion and reactionary. *Science Management: Theory and Practice*, 3(4), 171-188. (in Russian)
- Yarmak, Y. V. (2022). Soft power of ideology and security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security*, 1(2), 11-20. (in Russian)

For citation: Alekseeva, I. Yu. (2023). Information and Psychological Policy as a Factor of Societal Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 50-76.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_50